

В. Г. Белинский

Ластовка...Собрал

Е. Гребенка...

Сватанье. Малороссийская...

Виссарион Григорьевич Белинский
Ластовка. ...Собрал Е.
Гребенка... Сватанье.
Малороссийская опера
в трех действиях.
Сочинение Основьяненка

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2823785

Аннотация

«Несмотря на разность этих двух книжек, из которых одна – альманах, а другая – водевиль, несправедливо названный оперою, – мы соединяем их в одну статью, находя между ими то общее, о котором особенно хочется нам поговорить: обе они писаны на малороссийском наречии. Предстоит важный вопрос: есть ли на свете малороссийский язык, или это только областное наречие? Из решения этого вопроса вытекает другой: может ли существовать малороссийская литература и должны ли наши литераторы из малороссиян писать по-малороссийски?...»

Содержание

Примечания

11

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Ластовка. ...Собрал Е.
Гребенка... Сватанье.
Малороссийская опера
в трех действиях.
Сочинение Основьяненка**

ЛАСТОВКА. Сочинения на малороссийском языке. Гг. Л. Боровиковского, Е. Гребенки, Грицька Основьяненка, В. Забелы, И. Котляревского, Кореницкого, П. Кулеша, Мартавицкого, П. Писаревского, А. Чужбинского, Т. Шевченка, С. Шерепери и других. Повести и рассказы, некоторые народные малороссийские песни, поговорки, пословицы, стихотворения и сказки. Собрал Е. Гребенка. Санкт-Петербург. Издание книгопродавца Василья Полякова. 1841. В 16-ю д. л. 382 стр.

СВАТАНЬЕ. Малороссийская опера в трех действиях. Сочинение Основьяненка. Издание второе. Харьков. Печатано в Университетской типографии. 1840. В 8-ю д. л. 156 стр.

Несмотря на разность этих двух книжек, из которых одна – альманах, а другая – водевиль, несправедливо названный оперою, – мы соединяем их в одну статью, находя между ими то общее, о котором особенно хочется нам поговорить: обе они писаны на малороссийском наречии. Предстоит важный вопрос: есть ли на свете малороссийский язык, или это только областное наречие? Из решения этого вопроса вытекает другой: может ли существовать малороссийская литература и должны ли наши литераторы из малороссиян писать по-малороссийски?

Что до первого вопроса, на него можно отвечать и *да* и *нет*. Малороссийский язык действительно существовал во времена самобытности Малороссии и существует теперь – в памятниках народной поэзии тех славных времен. Но это еще не значит, чтоб у малороссиян была литература: народная поэзия еще не составляет литературы. Тем не менее памятники народной поэзии драгоценны, и сохранение их похвально. Малороссия – страна поэтическая и оригинальная в высшей степени. Малороссияне одарены неподражаемым юмором; в жизни их простого народа так много человеческого, благородного. Тут имеют место все чувства, которыми высока натура человеческая. Любовь составляет основную стихию жизни. Прибавьте к этому азиатское рыцарство, известное под именем удалого казачества; вспомните тревожную жизнь Малороссии, ее борьбу с католическою Польшею, и басурманским Крымом и Турциею, – и вы согласитесь,

что трудно найти более обильного источника поэзии, как малороссийская жизнь. Но не должно забывать, что Малорос-сия начала выходить из своего непосредственного состояния вместе с Великороссиею, со времен Петра Великого; что до тех пор какой-нибудь вельможный гетман отличался от про-стого казака не идеями, не образованием, но только старос-тию, опытностью, а иногда только богатым платьем, боль-шими хоромами и обильною трапезою. Язык был общий, по-тому что идеи последнего казака были в уровень с идеями пышного гетмана. Но с Петра Великого началось разделе-ние сословий. Дворянство, по ходу исторической необходи-мости, приняло русский язык и русско-европейские обычаи в образе жизни. Язык самого народа начал портиться, – и теперь чистый малороссийский язык находится преимуще-ственно в одних книгах. Следовательно, мы имеем полное право сказать, что теперь уже нет малороссийского языка, а есть областное малороссийское наречие, как есть белорус-ское, сибирское и другие, подобные им областные наречия¹.

Теперь очень легко решается и второй вопрос: должно ли и можно ли писать по-малороссийски? Обыкновенно пи-шут для публики, а под «публикою» разумеется класс обще-ства, для которого чтение есть род постоянного занятия, есть

¹ В этом абзаце критик отчасти перекликается с Н. А. Полевым, который в рецензии на книгу украинского писателя К. Тополя «Чары» писал: «У народов, которые потеряли свою самобытность и слились совершенно в государственном составе с народом сильнейшим, первобытная их поэзия остается и живет...» (Н. А. Полевой. Очерки русской литературы, ч. II. СПб., 1839, с. 486).

некоторого рода необходимость. Поэтому в состав публики может войти и гостинодворский сиделец, даже с бородкою, и – если хотите – деревенский мужичок; но все-таки это будет исключением: собственно публика состоит из высших, образованнейших слоев общества. Поэзия есть идеализирование действительной жизни: чью же жизнь будут идеализировать наши малороссийские поэты? – Высшего общества Малороссии? Но жизнь этого общества переросла малороссийский язык, оставшийся в устах одного простого народа, – и это общество выражает свои чувства и понятия не на малороссийском, а на русском и даже французском языках. И какая разница, в этом случае, между малороссийским наречием и русским языком! Русский романист может вывести в своем романе людей всех сословий и каждого заставит говорить своим языком: образованного человека языком образованных людей, купца по-купчески, солдата по-солдатски, мужика по-мужицки. А малороссийское наречие одно и то же для всех сословий – крестьянское. Поэтому наши малороссийские литераторы и поэты пишут повести всегда из простого быта и знакомят нас только с *Марусями, Одарками, Прокипали, Кандзюбами, Стецьками* и тому подобными особами. Где жизнь, там и поэзия: следовательно, и в простом быту есть поэзия? Правда; но для этой поэзии нужны слишком огромные таланты. Мужичья жизнь сама по себе мало интересна для образованного человека: следовательно, нужно много таланта, чтоб идеализировать ее до поэзии. Это дело

какого-нибудь Гоголя, который в малороссийском быте умел найти общее и человеческое, в простом быту умел подстеречь и уловить играние солнечного луча поэзии; в ограниченном кругу умел подсмотреть разнообразие страстей, положений, характеров. Но это потому, что для творческого таланта Гоголя существуют не одни нарубки и дывчата, не одни Афанасии Ивановичи с Пульхериями Ивановнами, но и Тарас Бульба с своими могучими сынами; не одни малороссы, но и русские, и не одни русские, но человек и человечество. Гений есть полный властелин жизни и берет с нее полную дань, когда бы и где бы ни захотел. Какая глубокая мысль в этом факте, что Гоголь, страстно любя Малороссию, все-таки стал писать по-русски, а не по-малороссийски!

Но Гоголь не всем может быть примером. Тем не менее жалко видеть, когда и маленькое дарование попусту тратит свои силы, пища по-малороссийски – для малороссийских крестьян. В самом деле, содержание таких повестей всегда однообразно, всегда одно и то же, а главный интерес их – мужицкая наивность и наивная прелесть мужицкого разговора. Все это несколько прискучило. У кого, например, станет терпения прочесть целую книжку, составленную из прозаических статей, писанных *таким* языком, с *такою* манерою и *таким* тоном:

Нема на свити ничого лучшого и богу мылишого, як сердце матери до своих диточок! – Скилки б их у неї не було, чы десятком бог благословыв, чы тилки одним-

одно; для ней ривни; жодного любить, усих ривно пестуе, за усяким ривно вбывається. Девять здоровеньки край ней, потишають іи, а одно морщытця, кысне, не дуже; вже вона за ним вбывається, тужыть, вже к боитця, що б ще дужче не занедужало, або щоб – нехаи бог боронить! – що б ще и не вмерло! – Вона их обмыва, обпатрюе, обшыва, зодяга – и николаы ж то не втумытця, николаы не поскуча з иымы и усяка робота на диточок ій не важка! и пр.²

Или вот еще:

Уже я так думаю, що нема й на свити кращого мисця, як Полтавська губернія. Господы боже мій мылостывый, що за губершя! И стены, и лисы, и сады, и байраки, и щуки, и караси, и вышни, и черешни, и усяки нанытки, и волы, и добри кони, и добри люде, усе е, усею – багацько! и пр.³

Хороша литература, которая только и дышит, что простоватостию крестьянского языка и дубоватостию крестьянского ума!

Но вот что интересно: в «Ластовке» есть повесть или что-то вроде повести, под которою стоит имя г. Основьяненка и над которою есть посвящение такого содержания: «Любій мой жинци Анни Григоріевни Квитка»⁴. Из этого видно, что г. Основьяненко и г. Квитка – одно и то же лицо, ибо *жинка*,

² Цитата из рассказа Е. П. Гребенки «Так собі до земляків» (1841).

³ Цитата из повести Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Сердешна Оксана» (1841).

⁴ Повесть «Сердешна Оксана» посвящена А. Г. Квитке.

или *жинца*, по-малороссийски значит *жена*. Итак, все эти повести и романы, которые печатались под именем Основьяненка, принадлежат *г-ну Квитке*, принявшему только в виде псевдонима имя Основьяненка?..

Что касается до «Сватанья» г. Основьяненка, или г. Квитки, – это водевиль из крестьянского быта, водевиль, впрочем, довольно растянутый, но местами не без занимательности.

Примечания

Ластовка... Собрал Е. Гребенка... Сватанье... Сочинение Основьяненка. Впервые – «Отечественные записки», 1841, т. XVI, № 6, отд. VI «Библиографическая хроника», с. 32–34 (ц. р. 30 мая; вып. в свет 31 мая). Без подписи. Вошло в КСсБ, ч. V, с. 302–307.

Рецензия Белинского явилась откликом на полемику по украинскому вопросу, продолжавшуюся с 30-х гг. У этой полемики существовал определенный политический подтекст: широкий общественный интерес к украинской истории и словесности, который был вызван ростом национального самосознания, направлялся правительственными кругами в сторону развития патриархально-верноподданнических тенденций украинской культуры (см.: А. И. Комаров. Украинский язык, фольклор и литература в русском обществе начала XIX века. – В кн.: «Ученые записки ЛГУ», серия филологических наук, вып. 4. Л., 1939, с. 138–141).

Критику была хорошо известна течка зрения, согласно которой украинская деревня законсервировалась в своем патриархальном виде и тем самым противостоит ряду русских областей, где уже ощущается «гибельное» воздействие Европы (см.: А. И. Комаров. Украинский язык, фольклор и литература в русском обществе..., с. 138). Наконец, Белинский знал, что большинство украинских писателей, выступавших

на страницах русской печати, в то время консолидировалось вокруг ретрограднейшего «Маяка». Издатель этого журнала С. А. Бурачек противопоставлял украинскую культуру, в которую «не проникла еще условная всемирная образованность», передовой русской культуре, которую представляли «Отечественные записки» («Маяк», 1840, ч. II, гл. 4, с. 44).

Указанные обстоятельства, непосредственно связанные с бескомпромиссной борьбой критика против доктрины «официальной народности», обусловили чересчур категоричное отношение Белинского к украинскому языку и литературе. К тому же малая изученность этой проблемы в теоретическом плане лишала критика возможности опереться на авторитетные исследования.